

ПОЛЬСКИЕ ДЕЯТЕЛИ — ГЕРЦЕНУ

Публикация И. М. Белявской

Ниже печатаются три эпистолярных документа, авторами которых являются польские деятели.

Первый документ — обращение к Герцену письмо-адрес группы польских эмигрантов-демократов, собравшихся в Лондоне 29 ноября 1857 г. по случаю годовщины восстания 1830—1831 гг. Среди подписавших письмо — имена Ст. Тхоржевского и Л. Чернецкого — ближайших технических сотрудников Герцена в его издательской деятельности, Ю. Данича — польского эмигранта, наборщика в типографии Герцена, А. Н. Дыбовского — одного из активных деятелей польской демократической эмиграции конца тридцатых — начала сороковых годов XIX в., М. Домогальского — члена Централизации польского демократического общества в Лондоне в период 1857—1862 гг. и других.

Письмо свидетельствует о том, что отношения и связи между польской демократической эмиграцией и Герценом не прекратились и после смерти Станислава Ворцеля. Оно свидетельствует, что польская демократическая эмиграция попрежнему видела в Герцене неутомимого борца за освобождение польского народа.

Второе письмо, как видно из его содержания, написано неизвестным корреспондентом из Ломжинского уезда Царства Польского, находившимся с Герценом в регулярной переписке. В этом письме содержатся интересные подробности о распространении «Колокола» в Польше и о влиянии идей Герцена на передовую часть польского общества. Вместе с тем письмо показывает, что автор его принадлежал к числу либеральных польских помещиков, объединившихся в Земледельческое общество и стремившихся заменить невыгодную им барщину оброком, с тем, чтобы впоследствии крестьяне выкупили у них землю в собственность. Возможно, что автором этого письма был корреспондент Земледельческого общества от Ломжинского уезда Францишек *Лютославский*, являвшийся одним из наиболее активных и осведомленных членов общества (см. Wł. G r a b s k i. Historia Towarzystwa Rolniczego, tt. I—II. Warszawa, 1904, t. 2, str. XI, 453).

В третьем письме речь идет об отношении польской эмиграции к деятельности Герцена и Огарева и общества «Земля и воля» во время восстания 1863 г. Письмо это еще раз показывает, как враждебно относилась к Герцену польская аристократическая эмиграция, возглавлявшаяся князем Владиславом Чарторыйским.

Шляхетский революционер и ярый националист Л. Мерославский, отстаивавший требование польских националистов восстановить Польшу в границах 1772 г., был решительным противником русско-польского революционного союза. Когда в конце сентября 1862 г. переговоры между представителями Варшавского Центрального комитета и издателями «Колокола» завершились соглашением о совместной революционной борьбе против царизма, причем в основу положено было требование освободить крестьян и наделить их землей, а также принцип национального равноправия, Мерославский объявил действия Центрального комитета предательскими, а издателей «Колокола» — врагами Польши («Pamiętnik Mierosławskiego». 1861—1863, Warszawa, 1924, str. 78). Своей враждебной кампанией против русских революционеров и лучшей части польских революционеров, стремившихся объединить революционные силы и организовать совместную борьбу, Мерославский не прекращал и во время восстания 1863 г. Не прекратил он ее и после поражения

восстания; об этом свидетельствует, в частности, статья Герцена «Frisant la question polonaise» («К польскому вопросу»), написанная им в марте 1868 г. в ответ на очередные измышления Мерославского (XX, 231—248).

Кто автор этого письма—установить не удалось. Подпись, стоящая в конце: Андр...,—неразборчива. В архиве Польской Академии наук в Кракове хранится перлюстрированная агентурная копия этого письма, в которой подпись расшифровывается как «Андрей».

Письма печатаются по рукописной копии ЦГЛА (ф. 129, оп. 1, ед. хр. 105)—письмо 1 и по автографам «пражской коллекции» (ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 127)—письма 2 и 3.

1

Перевод с французского:

Charles street, Hatton garden
29 ноября 1857 г.

Гражданин,

Вы не только своей красноречивейшей хвалой ознакомили мир с великими достоинствами нашего героя-мученика, Станислава Ворцеля, вы пожелали в торжественнейший день нашего изгнания, годовщину нашей революции, напомнить нам о призывах этого человека, являющегося образцом для поляков, подарив каждому из нас его портрет, отличающийся таким необыкновенным сходством, что он как бы обращается к нам и вдохновляет на выполнение нашего долга. Под этим впечатлением мы просим вас принять нашу искреннюю благодарность и верить, что мы умеем ценить усилия, которыми вы стараетесь двигать вперед наше дело¹.

Поляки, собравшиеся для празднования годовщины революции 29 ноября 1830 г.:

Феликс Новсельский
Альберт Тур
Чарницкий
Адам Козниун (?)
Северин Шайкоский
Ксаверий Финк
А. Н. Дыбовский
Островский
Каз. Эльбиновский
Станислав Тхоржевский
А. Жабицкий
М. Виснявский

И. Радзивилл
И. М. Верецкий
Ксаверий Стыхи... (?)
М. Домогальский
Франц. Аугустынский
(1 прэб.)
Юлиан Данич
Андрей Малозевский
Чернецкий, Луис
Фр. Цаблер
Сковронек
Ц. Папровский (?)

¹ В 1857 г., в третьей книжке «Полярной звезды», был опубликован некролог Ворцеля, написанный Герценом. Вскоре Герцен перевел этот некролог на французский язык и издал отдельной брошюрой. В брошюре Герцен с большой симпатией и уважением рассказывал о благородной патриотической деятельности Станислава Ворцеля. О Ворцеле см. также в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 226—228.

2

⟨Ломжинский уезд. Февраль 1860 г.⟩¹

Милостивейший государь
Александр Иванович!

Простите мне за надоедливость моими письмами, но с моей стороны было бы недобросовестно не исполнить желание всех мыслящих поляков Л(омжинского) уезда, читающих с увлечением «Колокол»; они просили меня выразить вам глубокую душевную благодарность за голос в пользу угнетенного народа польского. Не умею передать вам, какое впечатление производит каждое ваше слово. Старцы, поседелые в изгнании, в ссылке и в казематах, со слезами на глазах прислушиваются к свободной

Братья Солдаты,

Ведут вас бить Поляков.

За что?

За то, что они разбогачились отъ рекрутщины, не по очереди и не по жребью, а по полицейскому выбору устроенной. Кто полжизни не покрывался, того и отъ рекруты. Они этой неправды молчаливо изъ городовъ ушли въ леса и тамъ выбрали себя начальниковъ и стало защищаться и говорить, что Польша не должна управляться петербургскими немцами, что она можетъ жить въ ладу съ Россіей, и управляться должна по своему, крестьянски землею отъ насъ, и свой каротъ отъ всякаго насильства насъ и петербургскаго избавити.

И за это имъ право было васъ заставляло по нимъ стрелять?

Какой срамъ на имя русское! Какой срамъ на душу христианскую!

И какъ же прусское начальство учила солдата войну вести!

Путного сраженія никакого и вѣдать не умѣетъ, а говорить солдатамъ: "Грѣхъ, бей безоружнаго, жги села и города, обидероа честныхъ не слушаешь, а слушаешь только грабителей!"

Да разве это война?... Это разбой!

Что солдатамъ изъ русскихъ воевать?...—разбойникамъ!

Нельзя же, братья солдаты, кто изъ васъ въ Египъ отправятъ, кто на Христопровосенъ, тотъ душу свою за начальство Англическаго не поубиваетъ, грѣхъ не съвинитъ, безоружнаго бить не становится; дамы, села и города жечь не пойдете, и по полякамъ, по народу за свою Землю и Волю стоящему стрелять не будете; а поубиваетъ о другая, а о чемъ про то имъ скажете теперь же:

Почему Польша остается? Потому что на то воля Господня, потому что слушай чаша пригодна. Народу русскому браться надо было, обязала грабовъ немцами, землю урвали, оброки новосили, подати надбавили; за землю крестьянскую дотла выжгли брань. Дельо ваше не поляковъ бить, а своему русскому народу помочь, чтобы на святой Руси не было розни сосновой, ни дворянина, ни мужика, и быть бы одинъ народъ русской и отъ управленіе себя людей выбирать бы самъ, а царекиа чиновниковъ грѣбителей отринуть бы; чтобы земля за ними осталась безъ оккупа; чтобы воля ему была дана исполняя; чтобы и солдаты за свою службу не побродной оставался, а то же бы свою землю они миръ чинили, чтобы служба была короткая, чтобы обидероа своихъ и подковниковъ и генераловъ солдаты выбрали честныхъ и смыслили изъ себя же и изъ людей имъ изостоятъ, а не то чтобы ихъ нами наслади изъ начальство воронъ да валачей, солдаты образованныхъ да доскапанныхъ; чтобы рекрутщина не было, а были бы солдаты ополченца народомъ—а не отринутыя царекиа да разбойники генералскіе.

До какого мы срама должны—царь противъ поляковъ наступитъ въ союзъ съ прусскими немцами! Да разве мы сами-то намъ что-то, или нехристи, что намъ съ ними за одно поляковъ бить?

Ужъ если на то пошло, такъ лучше полку помочь противъ всякихъ немцевъ и своихъ и заморскихъ, чѣмъ за неправое дело наступать да разбойничать. Или, братья солдаты, оставте поляковъ въ покои устройтеся по ижему,—а идите освобождать народъ русский отъ царекиа доарда и чиновниковъ, да ключи ключи, чтобы народъ стоялъ великій Землей Собора изъ людей народа безъ розни сосновой избраннаго, чтобы учредили они за народомъ русскимъ Землю да Волю по божескому, а не по заморскому.

Власти Господня несутъ, слушай чаша пригодна. Братья солдаты, слушаете ли, кто говоритъ вамъ во имя Земли и Воли: Не на разбѣ полякамъ—согнали васъ Господь отъ этого, а за само народа русскаго, крестьянскаго, останте дружно и вы просветитъ Богъ и распочаетъ враги его!

ЛИСТОВКА ОГАРЕВА «БРАТЯ-СОЛДАТЫ, ВЕДУТ ВАС БИТЬ ПОЛЯКОВЪ», 1863 г.
Издание Вольной русской типографии в Лондоне. Сверху знак общества «Земля и воля»
Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва

русской речи, жалея, что не могут уже научиться рус(скому) языку. Ваше слово за Польшу тем удивительнее для них, что говорит русский, а в каждом русском они привыкли видеть палача, самого заклятого, самого непримиримого. Ваше слово в короткое время разубедило их; к народу русскому уже нет той ненависти, какая существовала с давних времен. Ваши сочинения дали им истинное понятие о русском народе, в котором поляки узнали своих братьев, еще более несчастных. Вам одному будет принадлежать честь примирителя двух родственных наций. Не переставайте же быть им. Громадный ваш авторитет в целом славянском мире готовит ему славную будущность. Свято чтя истину, я передаю вам ее так, как есть на самом деле, и счастливейшим был бы, если бы мог заслужить хоть каплю вашего доверия. Занятому громадным вопросом — судьбою России, вам нет времени обращать внимание на мелочные корреспонденции, но во имя истины прошу вас в свободный час вспомнить и о мелочах, которые здесь для нас имеют большое значение.

Варшавское земледельческое общество развивается с необыкновенною быстротою. В два года общество имеет более 3000 членов. Комитет общества единогласно признал, что *Oczynszowanie Włościan*² несколько не улучшит их быт, но что необходимо наделение их землею в собственности за известную плату в продолжение известного времени. Комитет просил об этом государя, который на это (!) не позволил. В России правительство встречает препятствие в помещиках, а в Польше помещики — в правительстве. На втором общем заседании член комитета *Гурский* прочел отчет о действиях комитета и окончил следующими положениями: 1) Что при отводе земли крестьянам следует держаться *общинной системы*, чтобы они со временем могли составить *общину*. 2) Колониальной системе следовать только в крайних случаях при необходимости, смотря по местностям. Отчет окончил следующими словами: «Господа! Время, чтобы мы исполнили то, о чем давно думали некоторые из наших предков. Сознывая необходимость реформы, отбросим всякое *принуждение*, как символ диких народов...». Потом начались диспуты об общине и колонии. Большинство было за общиной. Здесь явно было заметно сильное *ваше* влияние. *Миттельштет* энергично доказывал, что в общине заключаются начала не только морально-социальные, но и экономические, и кончил следующими словами: «Господа, расселим поселян по колониям, и Польша исчезнет с лица земли. Опыт нам доказал, что каждая колония имеет свою отдельную народность, особую религию, особый язык и обычай. Только в славянской общине лежит зародыш и дальнейшее развитие нашей народности». Варшава удивилась, что при общем собрании ни у подъездов, ни в зале не было ни полиции, ни жандармов, забывая, что то и другое заменял собою Муханов³, который на обеде, данном обществом комитету, корчил польского патриота.

Теперь позвольте вам сказать несколько слов об учебных заведениях Варшавского округа. При огромных эдукационных фундамах⁴ заведения находятся в жалком состоянии. Постоянный недостаток в учителях, вследствие незначительного жалованья. Немногие из старших учителей получают по семьсот пятьдесят рублей, большинство от трехсот — двухсот сорока при тридцатипятилетней службе для эмеритуры. Поощрений и наград никаких. Составит ли кто из преподавателей какое-либо *руководство* или книгу, округ покупает по какой ему угодно цене и продает также по какой угодно цене, это *conditio sine qua non** введения учебника в учебные заведения. Плата за учение в гимназиях по тридцать пять рублей серебром; большинство не в состоянии и половины платить и должно оставаться без воспитания. Существуют (мухановское творение) пятикласс-

* непременно условие (лат.).

ные бессмысленные училища для детей чиновников, а четырехклассные — для низших сословий, так что училища разделены по *сословным кастам*. Несмотря на все это, число учащихся постоянно увеличивается. Из отчета Министерства народного просвещения за 1858 г. («Журнал Министерства народного просвещения», 1859 г., месяц август) видно, что число учащихся в империи вместе с Царством Польским — 210 030, из коих на Царство Польское, т. е. на четыре с половиной миллиона жителей, приходится 77 322. Одна треть! — Царство Польское ожидало великие и богатые милости, но увы! Удостоились наград, по милости Адлерберга⁵, танцовщица *Козловская* и другие*.

¹ Письмо не датировано, однако время его написания можно определить довольно точно. В письме имеется упоминание о том, что Земледельческое общество существует уже *два года*. Как известно, Общество было открыто в январе 1858 г. Кроме того, автор сообщает о заседании Земледельческого общества, на котором обсуждался вопрос об аграрной реформе. Описываемое автором заседание состоялось 4 февраля 1860 г. (Wi. G r a b s k i. Historia Towarzystwa Rolniczego, t. II, str. 189). То обстоятельство, что автор ничего не говорит о последующих заседаниях, позволяет датировать его письмо началом февраля 1860 г.

² Перевод крестьян на оброк (чинш).

³ П. А. *Муханов* стоял во главе гражданского управления Царства Польского (директор Комиссии внутренних и духовных дел).

⁴ *Эдукационные фондуши* — бюджетные средства, предназначенные на просвещение.

⁵ Министр императорского двора В. Ф. *Адлерберг*.

3

(Париж. 7 июля 1863 г.)

Милостивый государь
Александр Иванович!

Зная несколько лиц из польской эмиграции в Париже, я узнал от них, что против вас, а равно и других членов общества «Земля и воля» составлен заговор, во главе коего стоит Мерославский и его клеветы, которые повсеместно распространяют на ваш счет самые обидные слухи, и самые гнусные обвинения посланы в их комитет, дабы уничтожить добрые отношения. Князь Влад. Чарторыйский тоже не благоволит к вам, — как мне говорил его поверенный Савицкий, — и смотрит на вас как на орудие.

Грустно, что в столь критическую минуту польского вопроса личные стремления поглощают интересы народа — страсть и подлые интриги дают только средства подлому Мерославскому испортить все дело. Один из его сотрудников готовится к печати брошюру против вас — не знаю на польском или французском, но в исходе месяца, говорят, выйдет, — как протест поляков против общества «Земля и воля»¹.

Я думаю, вам это все известно, но я почел долгом уведомить вас.

Весь ваш

А н д р... (?)

Paris. 7 июля 1863

Один из друзей ваших сообщил ваш адрес.

¹ Была ли издана брошюра и какая именно, установить не удалось. Возможно, что автор имеет в виду брошюру Мерославского «La dernière réponse à Michel Basquiné» («Последний ответ Михаилу Бакунину»), Paris, 1863.

* Конец письма, повидимому, не сохранился.—*Ред.*